

Е. Б. БЕСОЛОВА

К ЭТИМОЛОГИИ ТЕРМИНА «НАРТ»

В статье рассматриваются семантика и этимология термина *нарт* с этнолингвистической точки зрения. Посредством анализа лингвистических данных обосновывается развитие значения термина «**нарт** < **лучник** < **лук**» и его связь с солярной символикой.

Ключевые слова: семантика, этимология, нарты, культ, лук, лучник.

Существуют различные взгляды на *Нартов*: как на народ, как на героев вообще, как на один род воинов (*Æхсæртæггæтæ*). В порядке *гипотезы* мы решили дать своё толкование термина *Нарт*, а, следовательно, и природы интересующего нас фольклорного феномена. Наша точка зрения не противоречит ни одной из названных, а лишь уточняет и углубляет знание вопроса.

Исследование семантики и этимологии заявленного термина требует, на наш взгляд, обращения к языку в аспекте его этнолингвистического изучения.

У древних и средневековых кочевников Центральной Азии лук и стрелы, как известно, были и орудием охоты, и основным видом оружия дистанционного боя со времени освоения верховой езды и распространения тактики рассыпного строя в конном бою. Важная роль лука и стрел в военных действиях и охоте способствовала их знаковой функции в качестве символов или атрибутов власти, дипломатии, религиозных культов и обрядов в культурах древних и средневековых кочевников.

С древнейших времён и до появления огнестрельного оружия лук и на Северном Кавказе являлся важнейшим оружием дальнего боя. *Культ лука* как символа бога войны и символа власти сформировался, по мнению Ф. Кардини, раньше культа меча в среде северокавказских народов (Кардини 1987:98).

На серебряном сосуде из кургана под Воронежем помещены сцены из легенды о Таргитае и трёх его сыновьях. Особенный интерес вызывает

третья сцена на сюжет известной из Геродота скифской генеалогической легенды, повествующей об испытании, предложенном мифическим родоначальником скифов Таргитаем-Гераклом трём своим сыновьям и о вручении победившему в нём младшему сыну, Колаксаю, *отцовского лука как символа царской власти над скифами*. Символика данного изображения, по Д. Раевскому, отражает «определённые идеологические концепции своей эпохи и своей среды» (Раевский 1985: 65). Мы видим, что лук в данной композиции играет активную роль, ибо действие персонажа имеет характер политического символа – на сцене представлен момент передачи лука, а традиция устойчиво связывает лук со скифским миром. Ещё пример. Парфянский лучник – самое частое изображение на реверсе парфянских монет. Инвеститурные сцены, замечает Д. Раевский, лишний раз служат доказательством богоданного характера власти этих царей, а сам Таргитай выступает в роли божественного патрона скифских владык (Там же: 67). Лук, как видим, – *сакральным символом царской власти*.

Б.А. Литвинский также отмечает крайне широкое распространение у индоиранцев толкования лука как специфически царского оружия божественного происхождения (приводится параллель: в древнеиндийском коронационном ритуале существовал эпизод, когда жрец царю передавал лук как символ победы Индры над драконами). Законность династии оправдывалась через установление логической связи между царской властью и божественными силами (Литвинский 1972: 63).

По определению Геродота, «каждый скиф – конный стрелок», и находки археологов подтверждают это. Почти в каждом погребении обнаруживаются остатки лука и бронзовые наконечники стрел (двухлопастные – в ранних могилах, трёхлопастные, или трёхгранные – в более позднее время) (Раевский 1993:42). Самое частое изображение на предметах, найденных при раскопках – изображение лучника. Скифский воин немыслим без колчана с луком и стрелами, который подвешивался к поясу с левой стороны.

Скифы славились как искуснейшие стрелки: «стрелами бьющиеся, изо всех стрелков в мире самые искусные, наудачу стрел не пускающие» (Иванеско 1998:93). По Г. Денисону, скифская конница считалась лучшей в мире. Её основой был конный лучник. Стрельба велась на скаку, когда скифский отряд, не приближаясь вплотную к противнику, вдруг разворачивался, мчался мимо и притворно обращался в бегство. Обернувшись назад, скифский лучник успевал выпустить несколько стрел. Результаты скифского налёта (тактика обстрела массой стрел) оказывались убийственными для врага, в то время как сами скифы оставались недосыгаемыми. Благодаря специальной выучке лошадей, которых приучали к управ-

лению шенкелями, лучник-скиф получал возможность стрелять из лука на полном скаку, а их двухперые и трехперые наконечники стрел, отлитые из бронзы, обладали повышенной дальностью и пробивной силой, помогали скифскому лучнику держаться на безопасном расстоянии от врага (Денисон 1,1897:113).

Именно с того времени, когда воины стали конными лучниками, символическое значение данного вида оружия значительно возросло, и, видимо, не случайно в этот период лук стал одной из инсигний царского достоинства у скифов. Лук и стрелы символизировали для скифов оружие как таковое и военную власть царя. Чем не материал для легенды?

Лук и стрелы были едва ли не главным оружием скифов, и самый термин «скиф» означает, возможно, стрелок из лука», – заключает В. И. Абаев в «Скифо-европейских изоглоссах» (Абаев 1965: 25).

Ещё в 1945 году В. И. Абаев писал, что «недостатка в попытках объяснения этого загадочного слова нет. Но почти все они безотрадны... Следует в самой эпической традиции найти какое-либо указание, чьими детьми мыслились герои эпоса. Такое указание имеется. В записанных известным этнографом Кавказа Г.Ф. Чурсиным солярных мифах осетин имеется такое утверждение: «Когда-то у солнца были дети, богатыри Нарты»... Такая генеалогия Нартов хорошо согласуется с духом эпоса, в котором ... солнечная мифология занимает заметное место. Мы вправе ожидать, что в термине *Nartæ* «дети Нара» *nar* должно означать «солнце». Это приводит нас к монг. *nara* «солнце» как вероятному этимону термина *Nartæ* (Абаев 1945: 18).

На наш взгляд, *термин «Нарт» был сначала обозначением лука, а затем уже стал термином социальным, обозначая собой дружинный слой скифо-сармато-аланского общества, ремеслом которых были войны и набеги.* Мы исходим из того, что семантика орудий вооружения, как правило, крепко привязана к их функции, и передвижение значений имеет место обычно лишь в кругу смежных функций.

Нам представляется, что такая гипотеза вполне допустима.

Относительно же монгольского *nara* «солнце» как вероятного этимона термина *Nart*, мы солидарны с чл.-корр. С. А. Арутюновым в том, что закреплению термина в форме *Нарт* способствовала, скорее всего, возможность случайного созвучия со словом *НАР(АН)*, *означающим солнце в монгольском языке*, которое и стало на определённое время «статусно престижным». Как бы значительно ни было бы воздействие воинственных пришельцев-монголов на культуру и язык кавказских народов, невозможно вообразить, чтобы лишь в середине XV века или позднее сформировалось в своей современной форме столь значимое по-

нятие, как легендарный народ Нарты. Попытаемся обосновать своё мнение.

Как известно, функции лука и лучников отражают следы разных мифологических и исторических напластований и народных воззрений. В мифопоэтическом мышлении лук и стрела как атрибуты Аполлона означали энергию Солнца, его лучи и его очищающие и оплодотворяющие силы (Андреева 2000: 461). Во множестве мифологических текстов запечатлено отождествление корпуса лука в категориях пространства с нижним миром а в категориях циклического времени – с периодом между закатом и восходом и синонимичными ему фазами: смертью и рождением, осенью и весной (Мифы...2, 1998:76). Семантика лука как космического женского чрева лежит в основе фаллической символики стрелы, обнаруживаемой, например, в грузинских поверьях о стреле, способствующей возрождению мужской силы. Остриё стрелы в космологической схеме совпадает с центром преисподней, а в тождественной ей схеме солнечного суточного цикла – с гранью между закатом и восходом. В классической мифологии оно в зачаточном состоянии сохраняется в мотиве поединка с хтоническим противником, поверженным стрелой в полночь в преисподней. В биологическом цикле фазе полночи соответствует рубеж между смертью и рождением – реинкарнация. Первичная символика острия стрелы обнаруживается в мотиве яйца, разбиваемого ею в космогонических мифах, а также в эпическом мотиве зачатия героя во время охоты его отца (Там же: 76-77).

Таким образом, лук со стрелой являются ритуально-мифологической метафорой матери-земли и неба-отца, соединённых священным браком.

Распахнутые руки лучника соответствуют в схеме тетиве-земле, правая кисть совпадает с восточными воротами горизонта и фазой утра, весны, рождения. Известен мотив рождения героя из правой руки, или правого бока матери или отца; это – инд. *Индра*, осет. *Батра(д)з*.

Левая кисть совпадает в схеме с западными воротами горизонта и фазой вечера, осени, умирания. В эпической биографии лучника мотив смерти от левой руки существует на периферии сюжета: противник героя – левша; ср. также роль левой руки в погребальных ритуалах осетин.

Лук и стрела могут структурно интерпретироваться как вертикальная модель мира, представленная кругом с вписанным в него крестом. Круг с крестом – самый распространённый *солярный* знак.

Лук, дуга, арка, радуга – символы небесного свода, бога Неба. В обрядах инициации прохождение через дугу-арку означает новое рождение. Дуга, являясь частью круга, символизирует жизненную силу, потенциал

ный дух. Дуга, полукруг – на неё переходит символизм круга, но с добавлением значения движения. Дуга – та же небесная арка, радуга. Обычно радуга рассматривается как символ единства неба и земли. Но то, посредством чего устанавливается эта связь, не обязательно должна иметь своим следствием уподобление или отождествление. Известно, что само это значение радуги, которое в той или иной форме встречается в большинстве традиций, является прямым следствием ее *тесной связи с дождём*, где последний олицетворяет схождение небесных влияний в земной мир. Ср.: родоначальница нартов, героиня другого древнейшего цикла – Сатана, родилась от союза Солнца (Уастырджи – её отец – староосетинское солнечное божество) и Воды. Налицо символизм *радуги*: мост между небом и землёй, объединение верха и низа, естественного и сверхъестественного, сакрального и мирского.

Символика радуги неоднозначна, по сути, она уподобляется космическим потокам, посредством которых совершается взаимообмен между небом и землей, что непременно согласуется с *изогнутой* её формой.

В мифологии древних народов радуга являла собой знак смерти, а также выступала в связующей роли между этим и загробным миром, лестницы в небо, дороги в рай. В мифах радуга предстаёт в виде громадного лука – оружия богов; небесного символа, знаменующего лучи Священного Солнца, несущих с собой мир и покой. У всех славян существует верование в то, что радуга набирает, высасывает, «пьёт» воду из озера, моря, реки или колодца, подобно змею. Лук с вложенной в него стрелой в архаических культурах выступает как символ оплодотворенного чрева; по этой причине в мифологии и фольклоре распространен мотив испытания жениха посредством стрельбы из лука. Стрела же является одним из самых распространенных изображений «солнечного луча»: *«Стыр зæппадзын сарæзтон. Бавæрдтой дзы сæ мады 'мæ зæппадзы ныхыл æрттивæг болат ныссагътой. Сæ мады номыл фехстой арвмæ æфсæн фæттæ. Фæттæ хурыл сæмбалдысты, 'мæ хур æрдынаг æркодта зæппадзыл»* (Сказание о нартах 1989:28) – Построили просторный склеп. Поместили туда свою мать, и на фасаде склепа блестящий булат прибили. В честь (во имя) матери пустили в небо железные стрелы. Стрелы достигли Солнца, и Солнце соорудило над склепом арку (дугу).

В некоторых случаях к стреле привязывается нить, которая должна пройти через мишень (а также ср.: сказание «Как Батраз сокрушил крепость Гур»).

Лук и стрелы в различных культурах связываются с солнечными божествами, олицетворяя энергию Солнца, лучи его и очищающие и оплодотворяющие его силы. Символ силы и воинственности, лук со стрелой

выступает как образ космически организованного мироздания, как модель мира, ограниченного от хаоса. Семантика слов *дуга – радуга – лук* позволяет привести мнение В. И. Абаева о том, что для «сынов Солнца» истинно нартовскими по размаху, а по характеру – по-настоящему боевыми играми-состязаниями в древнейшей части эпоса были стрельба из лука и испытания мечей (Абаев 1945:101).

Лук, дуга, радуга – *полукружья Солнца*, его *производные* и *символы*. Ср.: топоним *Нар*, название от балт. * *ner-* / *nar-* «изгиб»; (у реки) «*излучина*» (Топоров, Трубачёв 1962). Существуют и иные интерпретации данного топонима, с ними можно ознакомиться в монографии А. Дз. Цагаевой (Цагаева 1975:283).

Арка, мост, дуга есть символы связи, соединения двух точек сакрального пространства – земли и неба, выступая как вариант мирового древа. Но мост также связывает между собой мир живых и мир усопших. В более общем смысле он символизирует переход из одного состояния в другое.

Выявленные В. В. Цимидановым сходжения нартовского эпоса и срубной культуры, подвели археолога к любопытному заключению.

Многие древние религиозно-мифологические представления, отразившиеся в эпосе осетин, восходят к *значительно более ранней эпохе, чем скифо-сарматская*. Истоки этих представлений, по его же мнению, наличествуют и в бронзовом веке, тем самым доказывая факт присутствия индоиранского наследия в Нартиаде (Цимиданов 2007: 29). Замеченная В. В. Цимидановым архаичность нартовского эпоса полностью разделяется нами и не даёт возможность согласиться с тем, что термин *нарт* «по корню своему *монгольского* происхождения» (Абаев 1945: 28) (выделено нами – *Бесолова*).

Соляные мифы составляют сердцевину многих мифологий. Солнце, как известно, олицетворяет жизнь, свет, высшую космическую силу. Лучи солнца несут плодородие и изобилие, они же иссушают и убивают, поэтому Солнце символизирует и жизнь, и смерть (ср.: лук Аполлона – это солнце, мечущее лучи-стрелы во врагов). Во многих мифологиях оно – верховное божество. Культ предков и культ Солнца связаны во многих культурах как символы защиты и спасения. Оно как активный принцип творения ассоциируется со светом, огнём, факелом, луком, стрелой, а также с конём, быком, львом и другими зверями. Восхождение и нисхождение Солнца – есть формы сообщения между духовным миром и материальным; оно же источник высших ценностей, духовной власти и духовного авторитета (Мифы...2,1998:461).

Земным эквивалентом солнца является огонь. Невидимая сущность Небесного Солнца, пребывающая в человеке как источник огня и энергии, заключена в Нартах. Солнечная мифология в Нартиаде представлена древнейшим циклом сказаний о Сослане. Культ Солнца проявляется и в подвигах героя, и в его родственных связях, и в сравнениях с солнечным богом Митрой. Черты «солнечности» в сказаниях цикла прекрасно выделены Ж. Дюмезилем в мифологическом этюде «Солнечные мифы» [Дюмезиль 1976 :68-76].

Солнце в Нартиаде, как и для большинства индоевропейских народов, ассоциируется с Колесом. Лук (оружие) представляет собой *полукружье* Бальсагова колеса, несущего гибель Сослану.

Названия холодного оружия в осетинском языке, как известно, принадлежат к древнему иранскому наследию.

Названия **лука (оружия), радуги** (т. е. полукружий Солнца) в осетинском языке в ирон. диалекте – *æрдын*, дигор. – *æрдунæ / æндурæ*; ср.: название радуги в дигорском диалекте – *Сослани æндурæ* лук Сослана (Абаев 1945 : 51).

Группа иранских слов, обозначающих *лук* (оружие), а также *радугу* (авест. *druča paurvānča* «с луком и стрелой», параллельное хотан. *durna* «лук» (< *druna*-) и *pūrna*- «стрела», согд. *br'wn* «лук», пехлевийск. *drwn*=*dron* «лук», ново-персид. *dironah* (< *drauna-ka*) «лук», хот.-сак. *durna*-, ср.-перс. *drōn* (<**drauna*), дигорск. *ærdunæ* (*ænduræ*), ирон. *ærdyn* «лук» (оружие); «радуга»; др.-инд. *druna* «лук» < иран. **druna* (Абаев 1973:403-404, Семереньи 1967:23) даёт основание для возведения термина «*Нарт*» к ним и заключить, что *Нарты – лучники*.

Анализ лексических данных позволяет предположить следующее развитие значения термина «*нарт-лучник*»:

др.-инд. *druna* < иран. **drun(a)* > (*æ*)*rdunæ*, (*æ*)*rdyn* > *ærdon* > (*næ*)*ærdon* > *nærtan*.

1. Группа согласных **dr* обнаруживает метатезу: осет. *rd* <**dr*: **dnin(a)* > (*æ*)*rdunæ*, (*æ*)*rdyn* (Чёнг 2008:45);

2. Характерное для осетинского языка появление протетического гласного, чаще всего *æ*, перед начальной группой согласных прослеживается в скифском в редких случаях, именно перед *r* (Абаев 1979: 335): осет. (*æ*)*rdyn* / (*æ*)*rdunæ* < др.-иран. *drun(a)* «лук (оружие)»;

3. *u* > *o* перед *n*: др.-иран. *druna* > *ærdun(æ)* > *ærdon(æ)*;

яркая иллюстрация – у В. И. Абаева: *ærdun-ast* > *Ærdonastos* «имеющий восемь луков», *ærdun-ægæar* > *Ærdonagaros* «имеющий избыток луков» (Абаев 1979:287);

4. Фонологически в результате общесетинской апокопы произошла утрата конечной гласной *-a*: др.-иран. *druna* > *ærdon(æ)* > *ærdon*;

5. В некоторых позициях звонкие согласные оглушались: *ærd(on)* > *ært(on)*.

По мнению Дж. Чёнга, оглушение согласных до сих пор ещё не получило объяснения (Чёнг 2008: 52).

6. Одним из важнейших средств табуирования слова было отрицание, которое ставилось в начале слова: **næ* < *иран. *na*: *næ* + *æرتون*.

Табуировались обычно божественные сущности, к ним относился и боевой лук.

7. Далее происходит стяжение *æ*: *(næ)æرتون* > *nært(on)*.

В итоге мы имеем **næرتون**; по замечанию В. И. Абаева, «...единичный *Нарт* будет **Нæртом** – вторичное образование с помощью суффикса *-он...*» (Абаев 1945: 90). Далее Василий Иванович разлагает термин *нартаæ* на основу *нар* и суффикс *-таæ*. Основа *нар*, как мы уже знаем, означает «изгиб», как и *изогнутый* лук.

Подводя итог исследованию, отметим, что в данной номинации поразительным образом соединились языковые характеристики с экстралингвистическими данными. Семантика лука-оружия тесно привязана к его функции и отражает следы различных напластований мифологических воззрений осетин. Как тут не присоединиться к вопросу известного учёного: «...Можно ли допустить бесследное исчезновение лучниковскифов из истории? – спрашивает Н. Я. Марр. – В пределах материальной, да и духовной культуры приходится серьёзно считаться со словотворчеством с помощью племенных названий» (Марр 1935: 37).

По словам В. И. Абаева, создатели нартовского эпоса как «историки – неисправимые фантазёры», а как «художники, они – большие реалисты. Этим своим «стихийным» реализмом они невольно послужили истории, передав в ярких и неумирающих красках древний уклад жизни, создав исключительно жизненные типы героев, сохранив мировоззрение отдалённого прошлого» (Абаев 1945: 108).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абаев* 1945 – *Абаев В. И.* Нартовский эпос // Изв. СОНИИ. Т. X. Вып. 1. – Дзауджикау, 1945. – 118 с.
2. *Абаев* 1965 – *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М: Наука, 1965. 168 с.
3. *Абаев* 1979 – *Абаев В. И.* Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. – М.: Наука, 1979. – 272 с.
4. *Андреева* 2000 – *Андреева В. и др.* Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – М.: Локид, Миф, 2000. – 576 с.
5. *Денисон* 1897 – *Денисон Г.* История конницы. В 2-х томах. – СПб., 1897. – Т. 1 – 486 с., Т. 2 – 371 с.
6. *Дюмезиль* 1976 – *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. – М.: Наука, 1976. – 276 с.
7. *Иванеско* 1998 – *Иванеско А. В.* Вооружение нартов (на материале осетинских сказаний) // Донская археология. 1998. №1. – С. 92–95.
8. *Кардини* 1987 – *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. – М., 1987. – 384 с.
9. *Литвинский* 1972 – *Литвинский Б. А.* Древние кочевники «Крыши мира». – М.: Наука, 1972. – 270 с.
10. *Март* 1935 – *Март Н. Я.* Термин «скиф» // Избранные работы. Т. 5. – М.–Л., 1935. – С. 1–43.
11. *Мифы народов мира* 1998 – *Мифы народов мира.* Энциклопедия в 2-х т./ Гл. ред. С. А. Токарев. М: НИ «Большая Российская энциклопедия», 1998. – Т. 2. – 720 с.
12. *Раевский* 1985 – *Раевский Д. Н.* Модель мира скифской культуры. – М., 1985. – 256 с.
13. *Раевский* 1993 – *Раевский Д. Н.* Скифы. Кто они и откуда пришли? // Наука и жизнь. 1993. № 5. – С. 36–44.
14. *Семереньи* 1967 – *Семереньи О.* Славянская этимология на индоевропейском фоне // Вопросы языкознания. 1967. № 4. – С. 3–25.
15. *Сказания о нартах* 1989 – Сказания о нартах. В 5-ти томах. Том I / Сост. К. Ц. Гутиев. – Орджоникидзе: Ир, 1989. – 496 с.
16. *Топоров, Трубачёв* 1962 – *Топоров В. Н., Трубачёв О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. – М., 1962. – 380 с.
17. *Цагаева* 1975 – *Цагаева А. Дз.* Топонимия Северной Осетии. В 2-х частях. Часть II. – Орджоникидзе: Ир, 1975. – 560 с.
18. *Цимиданов* 2007 – *Цимиданов В. В.* Нартовский эпос осетин и срубная культура: поиск сходжений // Известия СОИГСИ. Вып. 1 (40). – Владикавказ, 2007. – С. 17–36.
19. *Чёнг* 2009 – *Чёнг Дж.* Очерки исторического развития осетинского вокализма // Пер. с англ. Т. К. Салбиева. – Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2009. – 496 с.

REFERENCES

1. *Abaev* 1945 – *Abaev V. I.* Nartovskij jepos // *Izv. SONII*. T. X. Vyp. 1. – Dzaudzhikau, 1945. – 118 p.
2. *Abayev* 1965 – *Abayev V. I.* Scythian-European isoglosses. At the junction of East and West. Moscow: Nauka, 1965. 168 p.
3. *Abaev* 1979 – *Abaev V. I.* Skifo-sarmatskie narechija // *Osnovy iranskogo jazykoznanija: Drevneiranskije jazyki*. – M.: Nauka, 1979. – 272 p.
4. *Andreeva* 2000 – *Andreeva V. i dr.* Jenciklopedija simbolov, znakov, jemblem. – M.: Lokid; Mif, 2000. – 576 p.
5. *Denison* 1897 – *Denison G.* Istorija konnicy. V 2-h tomah. – SPb., 1897. – T. I. – 486 s., T.2. – 371 p.
6. *Djumezil* 1976 – *Djumezil' Zh.* Osetinskij jepos i mifologija. – M.: Nauka, 1976. – 276 p.
7. *Ivanenko* 1998 – *Ivanenko A. V.* Vooruzhenie nartov (na materiale osetinskih skazanij) // *Donskaja arheologija*. 1998. № 1. – S. 92–95.
8. *Kardini* 1987 – *Kardini F.* Istoki srednevekovogo rycarstva. – M., 1987. – 384 s.
9. *Litvinskij* 1972 – *Litvinskij B. A.* Drevnie kochevniki «Kryshi mira». – M.: Nauka, 1972. – 270 s.
10. *Marr* 1935 – *Marr N. Ja.* Termin «skif» // *Izbrannye raboty*. T.5. – M.–L., 1935. – S. 1–43.
11. *Mify narodov mira* 1998 – *Mify narodov mira*. Jenciklopedija v 2-h t./ Gl. red. S. A. Tokarev. M.: NI «Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija», 1998. – T. 2. – 720 s.
12. *Raevskij* 1985 – *Raevskij D. N.* Model' mira skifskoj kul'tury. – M., 1985. – 256 s.
13. *Raevskij* 1993 – *Raevskij D. N.* Skify. Kto oni i otkuda prishli? // *Nauka i zhizn'*. 1993. № 5. – S. 36–44.
14. *Semeren'i* 1967 – *Semeren'i O.* Slavjanskaja jetimologija na indoevropejskom tone // *Voprosy jazykoznanija*. 1967. №4. – S. 3–25.
15. *Skazanija o nartah* 1989 – *Skazanija o nartah*. V 5-ti tomah. Tom I / Sost. K.C. Gutiev. – Ordzhonikidze: Ir, 1989. – 496 s.
16. *Toporov, Trubachjov* 1962 – *Toporov V. N., Trubachjov O. N.* Lingvisticheskij analiz gidronimov Verhnego Podnestrov'ja. – M., 1962. – 380 s.
17. *Cagaeva* 1975 – *Cagaeva A. Dz.* Toponimija Severnoj Osetii. V 2-h chastjah. Chast' II. – Ordzhonikidze: Ir, 1975. – 560 s.
18. *Cimidanov* 2007 – *Cimidanov V. V.* Nartovskij jepos osetin i srubnaja kul'tura: poisk shozhdenij // *Izvestija SOIGSI*. Vyp. 1 (40). – Vladikavkaz, 2007. – S. 17–36.
19. *Chjong* 2009 – *Chjong Dz.* Očerki istoričeskogo razvitija osetinskogo vokalizma // *Per. s ang. T.K. Salbieva*. – Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoe predprijatie im. V. Gassieva, 2009. – 496 s.

SUMMARY

This present article discusses the etymology and semantics of the term nart with ethnolinguistic perspective. Through the analysis of linguistic materials the development of the meaning of "**nart<archer<arch**" and its connection with solar symbolism are substantiated.

Key words: semantics, etymology, nart, cult, bow, archer.